

РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

МИСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Ведьмин клад	Слеза ангела
Волчья кровь	Старинный орнамент везения
Время черной луны	Третий ключ
Дом у Чертова озера	Музы дождливого парка
Лунные драконы	Хозяйка колодца
Паутина чужих желаний	Лабиринт Медузы
Пепел феникса	Темная вода
Печать василиска	Снежить
Проклятый дар	Девятый ангел

«САМАЯ ТЕМНАЯ НОЧЬ»

Самая темная ночь
Час перед рассветом

«ТАЙНА ВЕДЬМЫ»

Не буди ведьму
Ведьмин круг
Беги, ведьма

«ТАЙНА СТАРОГО ПОМЕСТЬЯ»

Девушка с серебряной кровью	Проклятое наследство
Приди в мои сны	Змеевы дочери
Сердце зверя	Зов серебра

«ВРАНОВА БАШНЯ»   «СВЕЧНАЯ БАШНЯ»

Вранова погоня	Свечная башня
Сердце ночи	Светочи тьмы

«ГРЕМУЧАЯ ЛОЩИНА»

Гремучий ручей
Шепот Гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака
Цербер-хранитель
Один сон на двоих

«МАРЬ»

Марь
Марионеточник
Марионетки

«ЛИСЬЕ ЗОЛОТО»

Лисье золото

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

ТРЕТИЙ
КЛЮЧ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Редактор серии *Е. Дмитриева*
Оформление серии *Е. Петровой*

Корсакова, Татьяна.

К69 Третий ключ / Татьяна Корсакова. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-231886-3

Тихий пруд в старом имении скрывает в своей глубине страшную тайну. Там уже пятнадцать лет покоится механическая статуя, которую местные жители с уважением и боязнью называют Спящей дамой. В былые времена, когда Спящая дама еще стояла в саду, у ее ног находили убитых девушек. И вот статуя снова поднята на поверхность, а кто-то ищет ключи, чтобы ее завести. В прошлый раз Аглае чудом удалось выжить, но теперь ей снова грозит опасность. Прежняя любовь и старые страхи воскресли. Неужели история повторяется? А темная гладь пруда тиха и так спокойна, как бывает только перед великой бурей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231886-3

© Корсакова Т., текст, 2026
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

*Родителям с любовью
и благодарностью*

Смородиновый сок стекал по пальцам липкими ручейками, вслед за крупными, сортовыми ягодами падал в пятилитровое ведро, которое стараниями Аглаи было заполнено уже наполовину. Аглая сунула в рот уже бог весть какую по счету ягоду, тыльной стороной ладони утерла со лба пот и почти с ненавистью посмотрела на ведро. Цивилизации рушатся, города и народы уходят в небытие, а баба Маня не меняется. И неважно ей, что внучка нынче не босоногая, голенастая Глашка десяти годков от роду, а успешная и даже весьма известная журналистка Аглая Ветрова тридцати двух цветущих лет. Сказано до обеда обобрать куст красной смородины, и попробуй только послушаться.

Аглая уже и не помнила, что бывает, если послушаться бабу Маню. Память подсовывала какие-то размытые, на первый взгляд совсем не страшные воспоминания в виде сорванной тут же, в маленьком огорожке, розги или в виде мокрого льняного полотенца, которыми баба Маня грозила отлупить внучку за непослушание, но вот припомнить, чтобы эти атрибуты деревенского воспитания хоть раз пошли в дело, никак не получалось. По всему выходило, что воспитывали Глашку больше словом, чем делом. И это только в детстве казалось, что

воспитывали излишне строго, что многого не позволяли и ко многому принуждали. Что ни говори, а дети — эгоистичные существа...

Носком сандалии Аглая отпихнула ведро, поправила сползший на самые глаза ситцевый платок, из заднего кармана джинсов достала пачку сигарет и закурила, разглядывая развешанные для просушки на заборе полосатые самодельные половички. А хорошо, что она решила уехать! И правильно сделала, что махнула не на оскомину уже набившие заграничные курорты, а к бабушке. Здесь, в деревне под названием Антоновка, даже воздух пах по-особенному: еще не вызревшими, но уже наливающимися соком яблоками, перезрелой и от малейшего движения норовящей просыпаться рубиновым дождем смородиной, парным молоком и свежескошенным сеном и еще сотней почти забытых, но затрагивающих самые глубокие струны души ароматов.

И не найдет ее никто в этой вроде бы и не такой уж глухой — от столицы всего-то триста километров, — но в то же время еще не задохнувшейся в тисках цивилизации деревеньке. Не найдет, потому что никому и в голову не придет искать королеву глянца, светскую львицу и первейшую столичную стерву Аглаю Ветрову под кустом смородины в обнимку с пластмассовым ведром. Ей место где-нибудь в Париже или, на худой конец, в Милане, но никак не здесь, в этом всеми позабытом райском уголке. Значит, есть у нее фора. Значит, можно пару недель побыть самой собой, не опасаясь потерять лицо, не вглядываясь в чужие, опротивевшие донельзя, сплошь знаменитые и сплошь успешные лица, не ожидая на каждом шагу подянки от коллег по творческому цеху и голодной до всякого рода сенсаций журналистской братии. Хватит с нее того, что однажды она уже потеряла

лицо, не смогла сдержать эмоций, уронила маску невозмутимой стервозности на каменные плиты Рудого замка, повела себя как деревенская баба, — не просто расплакалась на публике, а кажется, даже причитала и кликушничала.

От воспоминаний, до сих пор острых и болезненных, рука дрогнула, стряхивая на грядку с помидорами столбик сизого пепла. Это только те, другие, друзья, коллеги, конкуренты, думали, что Паркер для нее всего лишь игрушка, этакий дополнительный способ заявить о своей принадлежности к богеме, пустить звездную пыль в глаза. Ну, конечно, псина размером с недокормленную кошку, постриженная по последней собачьей моде, упакованная в комбинезончик, сравнимый по цене с одежками самой хозяйки! Ну, это ж модно сейчас, чтобы шавка мелкая под мышкой или в дамской сумочке, еще один штрих к образу успешной и избалованной жизнью! А того никто не знает, что Паркеру шел уже шестнадцатый год, что появился он в жизни Аглаи задолго до того, как возникла эта самая мода на собачек, и что комбинезончик в его преклонном возрасте — это никакие не понты, а обыкновенная забота о вечно мерзнущем, уже не слишком здоровом друге. А что недешевый, так она в своем праве! На кого ей еще тратить заработанные потом, кровью, злословием и стервозностью деньги? На Паркера и бабу Маню! И то, что Паркера Аглая брала с собой даже в дальние командировки, объяснялось просто: боялась доверить заботу о единственном друге чужому человеку, как могла, старалась продлить недолгий собачий век.

Не продлила... Этот мерзкий тип, секретарь Закревского, сказал, что на Паркера напали сторожевые псы, те самые, что должны были охранять треклятый замок

от волков, обещал разобраться. При этом улыбался он так искренне и одновременно так мерзко, что Аглае, сжимающей в объятиях растерзанное, окровавленное тельце Паркера, самой хотелось вгрызться в чье-нибудь горло. Кровь за кровь...

Она уже тогда решила, что напишет о хозяевах этого жуткого карпатского замка совсем не то, за что ей обещана весьма внушительная сумма, а чистую правду и, возможно, даже погрешит против правды, выдаст что-нибудь этакое в своей убийственно-язвительной манере. И написала бы! Написала бы разгромную статью про уродливые потуги олигарха-самодура добавить свадьбе единственного внука средневекового антуража, про кровавые картинки на церковных витражах и непрерывный волчий вой вместо ангельских песнопений, про то, что молодожены не выглядели счастливыми ни секунды, а замок, казалось, выпивал из обитателей силы и разум. Написала бы, да только события неожиданно перешли из разряда светских в разряд криминальных, а гости из участников торжества сделались свидетелями страшного преступления. Тут уже не до злословия и мелкой журналистской мести, тут бы собственную шкуру уберечь. Шкуру, а еще нервы, изрядно потрепанные следователем, которому не было никакого дела ни до угроз, ни до высокого социального статуса гостей-свидетелей.

Аглая думала, что стоит только вырваться из этой липкой паутины средневековых тайн на волю, окунуться в мутные, но стремительные волны московской жизни, как все наладится, и так больно уже не будет, и по ночам не придется вздрагивать, когда рука вместо привычного горячего бока Паркера коснется равнодушной прохлады шелковых простыней.

Ошибалась. Дома стало еще хуже. Не спасала даже работа. Любимый журнал, детище всей ее жизни, не возвращал оптимизма и радости. Наоборот, с каждым днем становилось все муторнее и муторнее, пока Аглая наконец не решилась на побег...

— ...Глашка! Да что ж ты делаешь, окаянная?! — Сердитый голос бабы Мани отвлек Аглаю от нерадостных воспоминаний.

— Все, бабуля, перекур! — Она по вьезшейся в кровь подростковой привычке спрятала руку с сигаретой за спину.

— Я тебе дам перекур! — Баба Маня погрозила выпачканным в муке кулаком. — И без того вон зеленая да худюшая, что та вобла, так еще и курить удумала! Бросай! Бросай, кому говорю?!

— Брошу, — привычно соврала Аглая, загасила недокуренную сигарету, бычок завернула в фантик от конфеты, сунула в карман. Проще было бы выбросить здесь же, на огороде, но тогда баба Маня заругается еще сильнее, а у нее сердце слабое, ей расстраиваться нельзя. — Бабуля, может, ну ее, эту смородину? — спросила без особой, впрочем, надежды. — Полведра вон насобирала.

— Да как же можно? — Баба Маня неодобрительно следила за Аглаиными манипуляциями с бычком, и было совершенно непонятно, что раздражает ее больше: сигареты или внучкина попытка увильнуть от работы. — Что ж, прикажешь ягодам пропадать?

— А куда их столько? — Аглая еще сопротивлялась, но вяло, понимала, что, пока не домучает этот несчастный смородиновый куст, покоя ей не видать. В лучшем случае баба Маня будет ворчать до самого ужина, а в худшем примется убирать ягоды сама, а у нее ж сердце...

— Это ты сейчас не знаешь куда, а вот зимой вспомнишь! Где ты там в своей Москве варенье из смородинки найдешь?!

Сказать по правде, привезенное от бабушки варенье Аглая никогда сама не ела, раздавала друзьям и сослуживцам. Видать, в детстве перекушала, потому и была равнодушна к таким вот деревенским деликатесам. Зато соленья, хрустящие бочковые огурчики и сладчайшие, по особенному рецепту маринованные помидоры готова была есть трехлитровыми банками и каждое лето порывалась поассистировать бабе Мане на кухне, постичь тайны закатов-маринадов, но намерения так и оставались только намерениями, в бурной Аглаиной жизни места деревушке с яблочным названием Антоновка оставалось все меньше и меньше. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Вдруг на этот раз что получится...

— Бабуль, может, киселек сварить? — Аглая попыталась увести разговор в более безопасное русло.

— Так сварю! — Баба Маня, для которой не было большего счастья, чем наблюдать, как любимое дитяtko за обе щеки наворачивает ее нехитрые угощения, расплылась в довольной улыбке. — А вареничков? Вареничков из вишни хочешь?

Вареничков Аглая хотела. Варенички с домашней сметанкой, присыпанные сахаром, она любила с детства, и даже процесс извлечения из ягод косточек ее не раздражал, а скорее успокаивал.

— Хочу! — Осторожно, стараясь не испачкать цветастую ситцевую блузку смородиновым соком, Аглая обняла бабушку за плечи, поцеловала в морщинистую щеку. — И вареничков, и киселька, и картошечки с укропчиком.

— Фу, ты! Воняет от тебя сигарками, как от нашего председателя! — Баба Маня слегка отстранилась, но было видно, что все эти «телячьи нежности» ей до ужаса приятны. — Так он же мужик, а ты, Глашка, девка! Вот как захочет тебя кто поцеловать, а от тебя, прости господи, табаком за версту несет!

— Да кто ж меня такую захочет поцеловать?! — Аглая хлопнула себя по тощим бокам. — Где тот принц, что на белом коне? — Она завертела головой, точно и в самом деле пыталась среди кустов смородины и вымахающей в человеческий рост кукурузы разглядеть принца.

— Тут, может, и нет, а вот в поместье скоро каких хочешь принцев можно будет сыскать. — Баба Маня покачала головой.

— В поместье? — Кончики пальцев закололо, и Аглая скорее удивилась, чем испугалась этого давно забытого чувства. — А что делать принцам в старом поместье?

— Сразу видно, что давно ты сюда не заглядывала. Нашелся на графский дом хозяин. Сама я туда не ходила, но Семеновна говорит, дом теперь и не узнать: все чистенькое, новенькое, прямо дворец. Старый парк до ума довели, пруд собираются почистить, дорожки проложить — красота.

— И кто ж в теремочке живет? — Забыв о данном бабе Мане обещании, Аглая выбила из пачки сигарету, рассеянно повертела в руках, но так и не закурила. — Чье теперь поместье-то?

— Так говорят, что Михаила Свириденко. Ты должна его помнить, вы ж с ним кажись... — Баба Маня не договорила, смущенно замолчала.

— Бабуль, мы с ним не кажись, — Аглая тряхнула головой, — мы с ним были знакомы сто лет назад, так давно, что я уже и забыла, как он выглядит.

Сказала и ведь почти не солгала. Что было, то было, поросло. То лето осталось в памяти жуткой, просто убийственной жарой, обрывочными картинками, размытыми лицами и еще чем-то мутным, душным, таким, что и вспоминать страшно. Аглая и не вспоминала, позволила себе роскошь забвения. Получилось не сразу, но в конце концов ей это удалось. И вот сейчас похороненные под толстым слоем ярких впечатлений и памятных дат воспоминания снова грозились просочиться в ее жизнь, нарушить размеренное полурастительное существование.

* * *

— Уволю! К чертям собачьим уволю! — Люся обмахнулась невесть откуда взявшимся на ее рабочем столе журналом «Здравоохранение», вперила грозный взгляд в мнущегося на пороге ремонтника. — Я тебе еще два дня назад сказала, что у меня в кабинете кондиционер сломался! Два дня! А ты что?

— Так, Людмила Аркадьевна, во втором люксе тоже кондиционер того... — промямлил ремонтник.

— Что — того?

Люся отшвырнула журнал, побарабанила выкрашенными в ярко-алый, в тон помаде, цвет ногтями по прозрачной столешнице. Этот стеклянный стол на сияющих хромом ножках она увидела лет пять назад в каком-то модном журнале и с тех самых пор решила, что, доведись ей стать большим боссом, стол она себе непременно прикупит точно такой же. И вот пожалуйста: и она — большой босс, и стол у нее дизайнерский, стеклянный, а счастья как не было, так и нет. Кто ж думал, что это такая непрактичная вещь?! Что заляпывается он мгно-

венно и все свое хрустальное сияние утрачивает уже на втором часу эксплуатации?! Что ей, Людмиле Аркадьевне Свириденко, вместо того чтобы решать насущные и куда более важные задачи, приходится полдня полировать свое рабочее место, чтобы было красиво, гламурно и пафосно?!

— Так сломался кондиционер во втором люксе, — пробубнил ремонтник.

— Значит, сломался? — Люся недобро сощурилась. — А я, значит, узнаю об этом только сегодня? Хоть починили? — спросила она уже другим, чуть более спокойным тоном. Что толку орать на этих олухов? Только нервы рвать. А нервы ей еще ого как пригодятся.

— Так не починили.

— А почему?

— Так на гарантии еще кондиционеры-то. Вот ждем, когда из города наладчики приедут.

— А у самого-то что, руки не из того места растут? — Как ни пыталась Люся сохранять терпение, а все ж таки стремительно выходила из себя.

— Почему не из того? — обиделся ремонтник. — Очень даже из того, только вы ж, Людмила Аркадьевна, сами запретили трогать то, что на гарантии.

Запретила! Потому что ванну для подводного массажа эти кретины уже потрогали, так потрогали, что никакая гарантия не спасла, пришлось новую покупать. А стоит она, между прочим, побольше, чем кондиционер. Эх, за что ж ей такое наказание? Отчего ж кругом одни идиоты? Это еще повезло, что удалось в завхозы Василия Степаныча сманить. Без его помощи она бы хрен что в этом чертовом поместье сделала. Да и руки у мужика золотые, вон какую роскошную входную дверь вырезал! Не дверь, а целые дубовые ворота!

Хорошо Свириду, отвалил денег, дал ценные указания и свинтил в свою Москву, а она тут корячась за всех, ругайся со строителями, с наладчиками, персонал подбирай, да не лишь бы какой, а чтобы соответствовал самым строгим требованиям. За шеф-поваром вон пришлось в область ездить, уговаривать, сманивать за предельной зарплатой и шикарными условиями работы. И поехала, потому как знающие люди сказали, что на кухне Сандро — царь и бог, что равных ему не найти.

Сманила, но чего ей это стоило! Сандро, может, и повар от бога, но до чего ж у него характер скверный! «Вай, что это за плита такая?! Дорогая Люси, кто может за такой плитой работать? Сандро не может, Сандро к другой плите привык! Вай, кто тебя просил посуду покупать?! Это не та посуда! Уйди, женщина, Сандро думать будет, как тебя спасти!» Вот так! И все громко, с криками, с жестикуляцией, с мимикой такой, что хоть сейчас в кино на характерные роли. А сам-то — высокий, худой, лысый! Носяра на пол-лица, руки как грабли. И все туда же — кулинарный гений, профессор кислых щей.

Ладно, этот хоть орет, но свою работу знает, а вот что делать с жопорукими медтехниками, которые ведать не ведают, с какого бока к забугорной аппаратуре подойти? Они, видишь ли, к отечественным аппаратам приучены, а буржуйские им в диковинку.

Единственные, с кем у Люси разговор был коротким, но конструктивным, это люди из obsługi: горничные, посудомойки, санитарки. Их она набрала из местных за деньги, смешные для Москвы, но запредельные для здешней глуши. Эти слушались безоговорочно, в рот заглядывали и работали не за страх, а за совесть, потому как Люся для них была и царь, и бог, и мать родная.

А Свирид взял на себя медперсонал. В этом деле он Люсе не доверял, да ей не больно и хотелось, и без того геморроя хватало. Пусть и он чем-нибудь озаботится. Тем более что специализации, категории, дипломы и стажировки — это как раз по его медицинской части.

Отвлекшись на тяжкие думы, Люся не сразу заметила, что ремонтник, успокоенный долгим и с виду мирным молчанием хозяйки, просочился в кабинет, уселся в кресло для посетителей и от нечего делать лапает край ее стеклянного, только что до зеркального блеска надраенного стола.

— Чего расселся? — рявкнула она. Получилось громко и устрашающе, потому что орать Люся умела и любила, и даже почти пятнадцать лет столичной жизни не выбили из нее эту маленькую, временами досадную слабость. — Вон пошел! Хотя стоп, подожди! — Она взмахнула рукой. — Иди к Степанычу, он тебе работу на лодочной станции найдет, будешь лодки красить, если ни на что другое не годишься.

Как только ремонтник исчез с глаз долой, Люся достала из сумочки носовой платок и принялась полировать заляпанный стол, будь он неладен вместе с дизайнером, его придумавшим!

Дверь распахнулась без стука, Люся едва успела спрятать платок. Так бесцеремонно, как к себе домой, к ней в кабинет вваливался только один человек — Сандро. Даже Свирид, который по большому гамбургскому счету был здесь полновластным хозяином, и тот непременно стучался, а этому носатому закон не писан.

— Вай, как жарко у тебя, дорогая! Прямо как у меня на кухне! — не дожидаясь дозволения, он настезь распахнул окно, поставил на стол перед Люсей дымящуюся чашку кофе.

Кофе Сандро варил исключительно вкусный. Собственно говоря, благодаря этому факту заядлая кофеманка Люся и терпела подобную фамильярность. Но сегодня настроение у нее было не то, сегодня хотелось орать и бить посуду.

— Зачем кофе?! Сам же говоришь, что жарко! — Она плюхнулась обратно в кресло, забросила ногу на ногу. Не без злого умысла, надо сказать, забросила. Ноги у нее были красивые, в меру длинные, в меру стройные, несмотря на жару, затянутые в тончайшие чулочки. Вот и стеклянный стол пригодился, потому как сквозь него все замечательным образом видно, даже кружевная резинка, кокетливо выглядывающая из-под словно невзначай задравшегося подола платья.

Прежде чем ответить, Сандро сглотнул, жадно сверкнул сливовым своим глазом. Вот и пусть глотает и сверкает, это у себя на кухне он хозяин, а здесь — ее территория.

— Так зачем же здесь, дорогая моя Люси? — Он всегда, с первого дня знакомства, называл ее либо дорогой, либо этой дурацкой Люси. — А не сходить ли нам на природу, к пруду?

Люся хотела уже сказать, что недосуг ей на природу ходить, что у нее еще дел полным-полно, но неожиданно для самой себя согласилась, грациозно выпорхнула из-за стола, одернула подол платья, чем вызвала грустный вздох Сандро, и направилась к выходу из кабинета.

*Дневник графа Полонского
10 июля 1913 года*

Оленька умерла на рассвете. Я точно знаю, что на рассвете: ночью слышал скрип половиц в ее комнате, слышал и мучился, все порывался зайти,

упасть на колени, вымолить прощения. Я не зашел, а она умерла. И жизнь моя нынче ничего не значит, потому что без Оленьки и нет вовсе никакой жизни — тьма крошечная...

Я — старик, шестой десяток разменял, мне бы умереть, а не ей, любимой, ненаглядной моей девочке. Ведь девочка и есть! Всего-то двадцать пятый год шел, через три дня должны были именины справлять. Я и платье модное, такое, как она хотела, из столицы выписал, и дом к приему гостей подготовил, парк задумал фонариками разноцветными расцветить, чтобы как в сказке все было. А Оленька, жена любимая, хохотушка-веселушка, умерла. Еще ночью половицы скрипели, а на рассвете, когда только-только веки смежил, закричала не своим голосом Парашка, ворвалась без стука, упала у порога на колени, завывала так, что слов не разобрать: «Не дышит барыня-то! Я к ней, как велено, ранехонько, с петухами, а она лежит поперек кровати, разметалась... Померла! Ой, господи, померла наша Ольга Матвеевна!»

Я не поверил: ни Парашке, ни сердцу своему, которое вдруг заныло, затрепыхалось в груди. Баба пустоголовая, деревенская, навьдумывала глупостей! Оттолкнул Парашку, кинулся в Оленькину комнату...

...Лицо красивое, античное, чеканный профиль, ресницы пушистые на полщеки, ямочка на подбородке — нет, не умерла моя Оленька, просто уснула крепко. Вот сейчас я ее поцелую, шепну на ухо, как люблю ее сильно, попрошу прощения, и проснется моя спящая красавица...

Губы холодные, щеки холодные, руки по-покойнически на груди скрещены. На левом запястье, с внутренней стороны, родинка, там, где пульс и горячее биение жизни. Сколько раз я целовал эту родинку, трепетно, несмело прикоснулся губами к тоненькой жилке! Прикоснулся и на сей раз, хотя уже знал, сердцем чувствовал — нет больше Оленьки на этом свете. Обиделась, бросила меня, дурака старого, и душу мою с собой забрала.

Не помню, что дальше было. Лица чередую, шелест слов, раздражающие прикосновения, во рту что-то горькое, а в сердце — выжженная дыра. Слаб я оказался, недостойн любви своей ненаглядной Оленьки, ни отпустить ее не сумел, ни проводить...

Мария, кузина, приехала в тот же день, сразу вслед за Ильей Егоровичем, тем самым, что сначала Оленьке моей помог на этот свет появиться, потом двойняшек наших, Настеньку и Лизоньку, принимал, а сейчас вот, больно сказать, стал посредником между бытием и небытием.

Наверное, если бы не они, я пропал бы. Может, руки на себя наложил бы, а может, сам от сердечного приступа помер. Близок я был к тому порогу, что отделял меня от любимой жены, как никогда близок. Но не дозволили! Мария, дважды вдовая, единственного ребенка еще в юности потерявшая, а поди ж ты, счастливая, за жизнь свою одинокую цепляющаяся неистово, не дозволила, все на свои плечи взвалила: и дом, и Настеньку с Лизонькой, и заботы о погребении. А я только и мог, что у гроба сидеть, держать жену за руку, всматриваться в любимые черты в тщетной попытке найти ответы на бесчисленные «почему?» и «за что?».